

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

Мы бродили по улицам нашего детства — по Сретенке, Первой Мещанской, в какой раз убеждаясь: едва ли не все старые москвичи когда-то где-то встречались и почти всегда имеют общих знакомых. И мы — это выяснилось, когда подошли к Грохольскому переулку, — учились в одной школе, в одном классе. Недолго, правда, с полгода.

Вячеслав Кондратьев знал, любил Москву. Но больше — давнюю, обманчиво казавшуюся теперь тихим малолюдным городом.

Отсюда он ушел на фронт, сюда вернулся после второго ранения, сберегая память о боях, о кровопролитном сражении подо Ржевом. Писал, но публиковаться начал поздно, уже отшумела «лейтенантская проза», а он не мог пробиться в печать. Зато с первого рассказа — «Сашка» [1979 год] — был оценен по достоинству и не изведет нападков, выпавших на долю тех, кто раньше начинал. По «Сашке» поставили фильм; новые повести и рассказы Кондратьева беспрепятственно шли в журналах. Разве что «Встречи на Сретенке» вызвали чье-то брюзжание.

В сегодняшних заметках я хочу уступить свое место Виктору Некрасову. Привести выдержки из его выступлений по радио «Свобода», где он вел литературную рубрику, безошибочно, точно и непосредственно отзываясь на книги, на наши события.

Кондратьевские повести «Отпуск по ранению» и «Встречи на Сретенке» заинтересовали В. Некрасова, пробудили память, вызвали ассоциации.

«Тема возвращения для писателя, пишущего о войне, сама собой разумеющаяся. Так зародилось у Ремарка его «Возвращение» после «На Западном фронте без перемен», у меня, грешного, «В родном городе» после «Окопов». Правда, с легкой руки Семена Бабаевского, тема так называемого мирного созидательного труда и смены меча на орало зажила самостоятельно и расцвела пышным цветом, без всяких предрасположений боев.

Пути от меча до орала оказались в жизни нелегкими. Причем, не знаю, у кого сложнее — просто у отвоёвывавшего воина, ищущего орало поудобнее, или у того, кто решил об этих поисках рассказать. Я был и тем, и другим, оба пути мне известны. Кондратьеву тоже. А сблизило нас особенно то, что, подобно кондратьевскому Володьке-лейтенанту, я домой попадал дважды — в отпуск по ранению в 1943 году и в 1944, уже окончательно. Более того, как и у Володьки-лейтенанта, дома меня ждала мать <...>

По женской части Володька, правда, обскакал меня — девочек у него было побольше — в остальном же жизнь наша сложилась более или менее одинаково. Оба прямо с фронта, у обоих после ранения парализована была правая рука, поврежден нерв <...>, черная повязка-косынка придавала обоим некую загадочность а-ля Грушницкий, оба научились пить и нещадно

казнили себя, когда прорывались при маме крепкие слова. И оба не совсем ясно представляли себе будущее.

Все мы помним выражение «потерянное поколение». Из хемингуэвского «Праздника, который всегда с тобой», мы знаем, что впервые оно употреблено по адресу самого Хемингуэя Гертрудой Стейн <...>. С его легкой руки «потерянным поколением» стали называть вернувшихся после второй мировой войны молодых ребят. В советском литературоведении подчеркивается еще, что родилось оно, это несчастное поколение, в буржуазном мире. В нашем, к счастью или несчастью, оно родиться не успело, сразу же стало резать и убивать друг друга <...>. В послевоенной Германии 20-х годов ходким было выражение «нихт мит унс!» — «Без нас!». В будущей войне, мол, не участвуем, хватит с нас прошлой <...>

В первой войне мы с Кондратьевым не участвовали. Знали по книгам, по тому же Ремарку, Барбюсу, Хемин-

НЕ ТОЛЬКО НА СРЕТЕНКЕ

гуэю, Олдингтону. Во второй участвовали и вернулись.

Потерялись ли мы? Нет, сказал бы я, скорее растерялись. Там, на фронте, все ясно. Там — немцы, тут — окоп, передний край, держи! Трудно держать! Трудно. А остальное само собой — кормят, поят, обмундировывают, лечат. И все бесплатно. Могло бы быть, конечно, больше оружия и лучшего качества, но не все же сразу, будет и больше, и лучше. Короче — все ясно!

А тут! Обо всем думай, соображай. Где, как, кому и сколько! Все надо добывать с бою, обманывать. И все время хочется есть. Зашли в ресторан, раскошелиться, взяли бифштекс по-гамбургски. Когда в последний раз ели! Господи, год назад лошадиную губу...

Все это метко и точно у Кондратьева: Забегаловки, пивные, рестораны, пьяные ссоры, выяснение отношений, презрение, а то и ненависть к тыловикам — «там люди гибнут, а они тут из соломошек сосут!» — тяга друг к другу безногих, безруких, безденежных.

Над всем этим непреходящее — что же делать! И второе — главное в своей жизни ты уже сделал — выстоял и победил. И оно, это главное, — позади.

Вот что красной нитью проходит через всю повесть. И в мыслях, в разговорах с мамой, девушкой, друзьями, с забегалочными ханьгами, с самим собой.

И Володька-лейтенант малость запутался — в институт возвращаться не хочется, переводиться тоже не очень, и в романах своих никак не разберешься, прошлых, нынешних, настоящих, случайных. И только мысль о том, что жив [в первый раз, правда, ненадолго, впереди опять передовая] и, что там, на фронте, ты все-таки успел что-то сделать, окрашивает тяготы жизни. И память о друзьях. Живых и мертвых.

Это в повести есть. И в этом ее жизнь, в этом ее сила.

Виктор Некрасов ставил Вячеслава Кондратьева в определенном литературный ряд. И ряд этот достаточно высок, его обозначали громкие писательские имена. Но он не исключает и взыскательных требований. Они тоже предъявлялись автору «Встреч на Сретенке».

В. Некрасов почувствовал зависимость советского писателя от редактора. Назвал — не поленился — фразы и сцены, написанные под нажимом.

В своих передачах, как и вообще в жизни, Некрасов умел быть резким, ироничным. Но в этот раз, даже порицая, сочувствует:

«Ох, и нелегко путь советского писателя. Все надо уметь. Всему учиться. И по натянутой проволоке ходить тоже. Даже по лезвию ножа».

В заключение — поддержка, дружески протянутая рука. Кондратьев это почувствовал, этим дорожил, об этом не забывал.

Через три года после передачи о «Встречах на Сретенке», уже в перестроечные дни [март 1987] Некрасов обратится к статье Кондратьева в «Литгазете». [Кондратьев ударился в публицистику, увлекшись поначалу перестройкой].

«Я немного знаю Кондратьева, он честный, прямой, правдивый человек. И его книги о войне такие же».

Некрасова взволновала кондратьевская статья о фронтовых потерях, о матерях, так и не дождавшихся сыновей.

«Гласность! Гласность! Правда, правда! Слова эти уже начинают набивать оскомину. И где грань, которую можно преступать или не преступать! Об Афганистане долго не писали, теперь пишут. Но опять, как в разгар той войны, только о героизме, товарищеской выручке, верности долгу, коварном враге... Все ложь! От которой, казалось, мы должны были устать».

Они встретились еще в 1982 году в Париже, когда Кондратьев, «отбившись» от туристической группы, пришел к Некрасову. О том, насколько эта встреча была сердечной, нужной им обоим, напоминает письмо не склонного к эпистолярному жанру, не страдающего сентиментальностью Виктора Некрасова Вячеславу Кондратьеву в Москву. В посланном с оказией письме, по соображениям, надо полагать, наивной конспирации, Некрасов именуется адресата «лейтенантом Володькой».

До очередной лжи, до войны в Чечне Вячеслав Кондратьев не дожил. Сентябрьской ночью 1993 года он, выстрелив в себя, покончил счеты с жизнью.

В. КАРДИН.

13.4.95.

Кондратьев Вячеслав